

16+

Таяць на небо

The illustration depicts a muscular, grey-haired man with a beard and glasses, wearing a blue and white striped tank top, sitting in a large, dark leather chair. He is holding a small wooden boat with a white sail. To his right, a German Shepherd dog sits attentively, wearing a red scarf. On the table in front of them are a mug of dark liquid, a small bottle, a stack of books, and a few red flowers. The background features a window with a view of a house, several framed paintings, and a ceiling with a starry pattern.

Татьяна
Авлошенко

Татьяна Авлошенко
Глянь на небо. Рассказы

«Издательские решения»

Авлошенко Т.

Глянь на небо. Рассказы / Т. Авлошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852640-4

У этой книги нет единого сюжета. Нет места действия и главного героя. Это собрание историй, рассказанных в городской квартире и в лесу у костра, в придорожном трактире и во дворе дома, бывшего центром мира. Мягкой игрушкой, оборотнем, старым моряком, девочкой-школьницей. Разными людьми и не людьми вовсе. Но все они смотрят на небо.

ISBN 978-5-44-852640-4

© Авлошенко Т.
© Издательские решения

Содержание

Игрушечный волк	6
Летать просто	8
Холодный ветер	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глянь на небо Рассказы

Татьяна Авлошенко

Иллюстратор Юрий Сосницкий

Дизайнер обложки Юрий Сосницкий

© Татьяна Авлошенко, 2024

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2024

© Юрий Сосницкий, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4485-2640-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игрушечный волк

Здравствуйте. Я – игрушечный волк.

Вообще-то на фабрике больше шьют мишек и зайчиков, на них есть спрос. Но иногда откуда-то сверху приходит циркуляр – расширить ассортимент продукции. Или молодой и энергичный художник пробивает свой проект. Или случается еще что-то. И тогда выпускают нас – волков, жирафов, коров. Однажды я видел даже плюшевую черепаху.

Первое, что помню, как чем-то недовольная мастерица взяла меня со стола, повертела в руках, разглядывая, а потом красной ниткой вышила у меня на морде широкую радостную улыбку. Закончив работу, она еще раз придирчиво оглядела меня.

– Вот лыбится, сразу видно, забот никаких.

Меня одели в клетчатую рубашку и короткие штанишки и бросили в ящик.

Из ящика меня достали уже другие руки. Это был старик. Владелец тира. Он коротко взглянул на меня и посадил на полку. Я как-то неловко завалился на один бок. Было очень неудобно, но ведь мы, мягкие игрушки, не можем менять позу по собственному хотению. А старик так и не догадался поправить меня.

А через несколько дней я уже рад был неудобной позе. Перед моей полкой была перегородка и, не скособоюсь я, видел бы только неструганные доски. А так я мог одним глазом смотреть на парк. Как же там было хорошо! Кусты сирени, где зелень листьев смешивалась с белизной цветов. Пестрая клумба. Огни фейерверков в ночном небе. А главное – там были люди. Веселые, смеющиеся, такие симпатичные. Я смотрел на них, приветливо улыбаясь вышитым ртом, и мечтал, что однажды кто-нибудь из них заберет меня с пыльной полки, унесет с собой, и тогда я наконец смогу делать то, для чего предназначена каждая мягкая игрушка – радовать.

Но дни шли, а я так и сидел на своей полке. Я был призом, и чтоб забрать меня, надо было выиграть. Сделать несколько точных выстрелов по мишеням. Многим людям это удавалось. Но им нравились другие, более красивые и нужные призы. Тогда я еще не знал, ни что такое красота, ни что такое польза и не понимал, почему мой хозяин не играет со мной.

Но однажды старик снял меня с полки. И снова были новые руки.

– Какой-то он... нелепый, – сказала девушка, разглядывая меня.

– Совсем как я, – усмехнулся парень. – Зато добрый. И неунывающий. Смотри, как улыбается. Вот назовешь его Серым, будешь смотреть, меня вспоминать.

Сумка у девушки была маленькая, весь я в нее не поместился, поэтому мог выглядывать, видеть и слышать все. Мы долго гуляли по парку, катались на аттракционах и на лодке, слушали музыку. Было здорово.

Когда пошел дождь, хозяйка раскрыла большой зонтик. Я не промок.

Моя хозяйка прощалась с Серым у подъезда. Я глядел из сумки. Новое место. Я буду здесь жить.

Хозяйка повернулась. Я увидел.

Грязные облезлые баки, набитые какой-то дрянью. А рядом на асфальте, раскинув лапы, лежит старый плюшевый мишка. Дождь бьет по его пластмассовому носу, по глазам, которые не могут закрыться...

Хлопнула дверь подъезда.

Теперь я живу в небольшой, но светлой комнате. Я сижу на спинке дивана. Мои соседи Зайка и Белая Кошка. Слева окно. За окном растет рябина. Зимой она скребет по стеклу ветками, а летом кладет на подоконник листья и спелые гроздья. Мы дружим.

Прямо передо мной телевизор. Там много интересного. Зеленые леса, звенящие ручьи, реки, пушистый белый снег. Я очень хочу увидеть все это по-настоящему. Иногда я представляю, что я живой. Бегу по лесу, пью воду из родника, играю с опавшими листьями. Мы, игрушки, часто придумываем то, чего не может быть.

Иногда к моей хозяйке приходят гости с детьми. Тогда со мной играют. Помню одну девочку. С ней было очень интересно. Она учила меня танцевать, рассказывала, что шкаф – это мой замок, сам я принц и отправляюсь на поиски прекрасной принцессы, похищенной злым колдуном. Белая Кошка была моим конем, и я скакал куда-то, готовясь сразиться с врагом. Сама девочка называла себя феей. Жаль, что мы так и не смогли спасти принцессу-Зайку. Пришла мама девочки и сказала, что пора идти домой. Фея прижала меня к груди и умоляюще посмотрела на маму, но та, наклонившись, прошептала, что нехорошо выпрашивать в гостях что-либо. Я остался на своем диване.

Не все дети играют со мной так же хорошо. Часто меня заставляют делать то, чего я не хочу. Некоторые с размаху бросают меня на пол или об стену. Это хуже всего. Очень больно, когда бросают.

Часто к моей хозяйке приходят взрослые гости. Они гасят свет в комнате и зажигают свечи. Они пьют чай и вино. Они разговаривают, кто-то играет на гитаре. Иногда кто-нибудь берет меня со спинки дивана и сажает к себе на колени. Тогда мне начинает казаться, что я такой же, как они, что я с ними, принят в компанию, не лишний.

Но гости расходятся, и я снова становлюсь нелепым игрушечным волком. Я смотрю в телевизор, напротив которого меня посадили. Показывают мультфильм, в котором игрушки могут разговаривать и двигаться по собственной воле. Теперь я знаю, у всех народов есть сказки. Иногда в них хочется поверить. А иногда... Мы, игрушки, созданы, чтобы дарить радость. Наша жизнь, мысли, чувства – понарошку. Вам незачем знать, как порой режут морду нитки навечно вышитой улыбки.

Здравствуйте. Я – игрушечный волк. Хотите поиграть со мной? Пожалуйста...

Летать просто

– Странные дела творятся порой в нашем лесу, – сказал Леший, поправляя завязку лаптя. – Мы их не понимаем, не хотим, а они творятся. Да... Он был совсем обычным волком, серой шкурой. Таких много бегают по лесу. Пока могут, промышляют в одиночку, когда совсем припрет – собираются в стаи. Этот тоже. В вожаки не лез, но и последним не был. Брал свою добычу. Людям да и кой-кому в лесу это часто не нравится, потому шкуры у волков все в проплешинах от шрамов. Но серые живучи, да... И выносливы. Волк падает, только когда умирает. Вот так он и жил, этот волк. Иногда от полноты чувств выл на луну. Думал что-то своей серой башкой. Ведь не могут же они не думать вовсе, да...

Знаешь, наверное, что по лесу течет река? О ней разговор будет позже, сейчас об озере, в которое она впадает. На озере жила лебедь. Обычно такие птицы держатся парами, но эта почему-то была одна.

Сейчас никто не скажет, зачем волка понесло к озеру. Кто-то в лесу болтал, что лебеди вкусные. Но вот добраться до такой птички и одолеть ее... Любой зверь, если он не совсем дурак, – а дураки в лесу долго не живут! – поищет добычу попроще. Да и потом, если бы волк хотел просто сожрать лебедь, разве стали бы они разговаривать? А они говорили, да.

Это очень странная история. Зверю и птице не о чем говорить, они совсем разные. Но волк каждое утро прибегал к озеру, а лебедь подплывала к берегу.

Любопытные сороки, конечно же, подслушали и растрепали по всему лесу. Волк все больше молчал, говорила лебедь. Она рассказывала о жарких странах, куда улетает на зиму. О просторе неба, о белых пушистых облаках, о том, как удивительно смотреть на землю сверху. Наверное, это и вправду неплохо, сразу увидеть весь наш лес... Лебедь говорила о ветре, который там, в вышине, не бьет и треплет, а поддерживает, стоит только угадать его мысли. Они расправляла свои большие белые крылья, поднималась ввысь и кружила над озером. Летать – это просто, говорила она.

Лес не знает минут и часов, и даже дней. Он живет временами года, да. Весна, лето, осень – они проходят быстро. Подступала зима. В небе появился первый птичий клин, летящий на юг. За ним еще и еще. Один из них позвал за собой лебедь.

В тот день волк опоздал. Он выбежал на обрыв над рекой, впадающей в озеро, и увидел улетающую лебедь. Может быть, он узнал ее в клине, хотя если смотришь с земли, все птицы одинаковы. Скорее, волк просто увидел, что на озере больше никого нет...

Леший помолчал, задумчиво скребя зеленую бороду.

– Я не могу понять, зачем он сделал это. Никто в лесу не может понять. Волк разбежался и прыгнул с обрыва. Вслед улетающему клину. Больше его никто не видел. Там, прямо под обрывом, глубокий омут. А мы не дружим с речным народом, да. Никогда с ними не разговариваем, не о чем.

Такое вот странное дело случилось в нашем лесу. Кое-кто, у кого длинный язык и маленький ум, болтал, будто волк так любил лебедь, что не захотел жить без нее. Чушь! Зверь и птица слишком разные, чтобы любить друг друга. Кто-то, кому надо вечно суетиться и тормошить других, говорил, что после рассказов лебеди о далеких странах волку стало слишком тесно в лесу. Но здесь никто никого не держит, иди куда хочешь... Самые рассудительные посчитали, что волк просто взбесился.

Мы не знаем правды и вряд ли будем знать. Ведь лебедь тоже больше не вернулась на наше озеро. О ней и волке уже не говорят. Но осенью, когда я смотрю на стремящихся на юг птиц, я почему-то всегда вспоминаю эту историю. И тогда я думаю: что, если волк поверил, будто летать – это просто? Что, если это действительно так?

Холодный ветер

- А правда, что волкодлаки, когда умирают, холодным ветром становятся?
Устинья смотрит любопытно и чуть испуганно. Глазищи – синь небесная – на пол-лица. Век бы глядел, не отрываясь, но Устинья нетерпеливо за рукав полушубка теребит.
– Да откуда ж мне знать-то, милая? И тебе что за дело до волкодлаков?
Небесные очи тревога туманит.
– Не ходил бы ты в лес, Ждан. Завтра ветер с полуночи подует. Злое время. Люди говорят, в округе оборотень завелся. Что тебе одному в чаще сидеть? Приходи в деревню жить!
– Подумаю...

О том, где нелюдимый боббль дед Михей взял Ждана, долго толковала и гадала вся деревня. Едкий старик одиноко жил в лесной избушке, промышлял охотой, рыбной ловлей и бортничеством. К людям выходил редко, для того только, чтобы сменять свою добычу на хлеб и соль. Но однажды вдруг явился не один. За дедом хвостом тянулся мальчишка. Такой же бесцветный и лохматый, как и сам Михей.

Кто такой, откуда? Взглянуть на мальчишку сбежалась вся деревня. Бабы насели с расспросами на деда, ребятишки пытались подманить его приемыша бабками и калеными орехами, но тщетно. Михей в ответ на расспросы буркнул что-то невнятное – понимай как хочешь! Выложил на поленницу принесенную добычу, забрал у деревенских из рук ему предназначенное, словно собаке свистнул мальчишке, вроде бы уже потянувшемуся к игре и лакомству, и ушли нелюдимы в лес.

Сколько ж разговоров и пересудов в тот день у колодца было! Тетка Марфа, у которой не голова, колокол церковный – внутри пусто, только язык длинный, – жизнью клялась соседкам, что Ждан родной сын Михея, наблудил, мол, где-то бирюк, а потом обманутая девка дите виновнику и подкинула. Ну да кто ж ее, ботало коровье, слушать будет! Стар Михей, угрюм, неречист – кто на такого польститься, разве что лешачиха какая долгогрудая. Да и подкидышают-то младенцев, а не когда ребенок зим десять точно видел...

А через неделю о дедовом найденыше никто уже не говорил. Что один нелюдим в лесу жил, что двое поселилось, деревне оттого ни убытку, ни прибытку. Так и не вспоминали, покуда молодой лохматый парень ни привез по зимним ветрам на погост хоронить умершего Михея.

Стал дедов приемыш сам в деревню ходить. Звали его именем нехорошим, языческим – Ждан. Было и христианское, Василий, но оно с парня словно песок с сухой лопаты сыпалось. Пробовали деревенские по старой памяти приступить к нему с расспросами, но снова ничего не добились. Ждан не молчал, как Михей, угрюмо, а лихо отбрехивался и зубоскалил, но не понять было, то ли правду он говорит, то ли новую залихватскую враку загибает. Снова посудачили о нем у своих домашних печей и подле общего колодца и, плюнув, отступились. Чужак, не из нашей деревни, так пусть и живет в своей чаще как хочет.

Так и было все спокойно и ровно, пока по первым восходным ветрам Ждан ни спас на болоте гончарову меньшую дочь Устинью.

Далеко, так далеко, что простому человеку и понять трудно, на самой полночи, посреди холодного моря стоит одинокая скала. На скале той спит древний забытый бог. Ничто не может поколебать покой его, покуда молодое сильное солнце уверенно шествует от восхода к закату. Но когда слабым и дряхлым становится оно, и еле тащится по небу, древний бог просыпается. Он трубит в рог, созывая своих слуг на дикую охоту, и, услышав этот зов, поднимаются волкодлаки, чья Тропа пресеклась. Серыми тенями несутся они над землей и морем от полуночи

к полдню, и так стремителен бег их, что холодный ветер поднимается и летит вслед за стаей, и боязливо слушают люди вой дикой охоты.

Бег-полет, бег-песня. Среди обогнавших ветер серых теней, будто и сам стал тенью – настолько быстрым, легким и свободным сделалось тело.

Ахнул, расступившись, лес. Стая вильнула лохматым хвостом и – вниз с обрыва. Нет преград для дикой охоты. По воде ли, по воздуху бежит она ровно по тверди.

Ждан повалился на землю в двух шагах от обрыва. Вкусно куснул всей пастью снег. Арх! Хорошо! Воля!

Лениво подтянул сладко ноющее, помнящее пьянящий безумный бег тело к краю кручи. Там, внизу серые тени летели к деревне. Взгляд привычно отыскал нужную крышу. Из белевой трубы дым идет. Устинья, верно, хлебы ставит. Волчий нос втянул воздух. Нет, не учуять запаха. Далеко, да и холодный ветер сносит его в сторону.

Устинья... С того дня, как вытащил из топкой болотной елани польстившуюся на подснежную клюкву девушку, всё по-другому. Прежде Ждан весело жил, вольно, на людей не глядел. Нынче что ни день, то в деревню по своему же следу торопится.

Старый Михай – уж не он ли сейчас мимо мохнатой тенью мелькнул? – говорил: не гоже волкодлаку с людьми знаться. Они, последыши, только и ждут случая оборотня сгубить. Но как быть, коли нужней воды ключевой Устинья стала, краше полной луны, милее лесной волюшки?

Может, и вправду в деревню жить уйти?

– Здравствуй, Устиньюшка. Дай-ка помогу.

Сильная рука ухватила за дужку ведра, приподняла, не ставя, перенесла за край колодца.

Устинья пододвинула свои бадейки, но парень наполнять их не спешил, так и стоял с общинным ведром, девушке улыбался.

– Постой со мной, красавица.

– Что помог, Игнат, благодарствуй, но недосуг мне нынче, хлебы печь надобно.

Отобрала ведро, сама бадейки наполнила.

– Со Жданом-то стояла.

– То сама знаю.

– Люди про него плохое говорят.

– Неужто ты, Игнат, то, что бабы у колодца языками треплют, слушать стал?

– В церковь не ходит.

– Сам-то помнишь, когда в последний раз там был?

– В лесу один живет, бирюк бирюком. Неужто, коли свататься станет, в чащу за ним пойдешь?

– Пойду.

– Погубит он тебя!

– Не говори дурного, Игнат, рассержусь!

Повернулась – коса тяжелая по спине хлопнула – коромыслице на плечо вздела и пошла. И чем только взяла? И красивей ее в деревне есть, и богаче, а вот не любы. Одна Устинья нужна. Единственная. Жизни за нее не жалко.

У колдуна изба темная, травами сухими, зельями едучими да дрянью пропахла.

– Любишь ее?

– Больше жизни!

– От меня чего хочешь? Зелья приворотного? Или такого, – ухмыльнулся колдун нехорошо, – от которого сила мужская прибудет?

– Не зелья хочу. Совета. Подскажи, как оборотня убить?

Думал Игнат, осиновые древки понадобятся, серебряные наконечники в наговоренном отваре колдовских трав закаленные. Последнее матушкино поминание – серебряные подвески отдать готов был. На, колдун, бери, выкуй против оборотня оружие. Не понадобилось. Чародей из сундука колчан простых стрел достал.

– Бери. Такой срезень против волка хорош, оборотня на месте уложит. Коли, конечно, со страху не промахнешься.

Засмеялся, словно ворон закаркал.

А с поминанием матушкиным всё ж расстаться пришлось. Цену за стрелы и совет клятый чернокнижник заломил несусветную. Да не в плате дело, матушка-то, когда помирала, наказывала, чтоб Игнат, когда жениться надумает, подвески суженной своей отдал. Эх...

Чу! Снег под шагами скрипит. Ход частый, звериный. Игнат спиной к старой сосне прижался. Вдруг учует нежить, раньше выстрела кинется? Нет, мимо прошел. Вот он. Здоровый волчара, светлой масти, спина темная. Остановился, встряхнулся. Господи, помилуй! Хоть и знал Игнат, против кого идет, а всё ж захотелось глаза руками протереть – вместо зверя со снега человек поднимается. Ждан, его полушубок черный!

Не подвел срезень. В спину оборотня ударил, из груди вышел, по пути сердце разорвал. Как стоял Ждан, так и упал лицом вперед.

Поднял Игнат убитого. Тяжелый, всё равно, что куль с мукой на мельнице.

– Ты уж не серчай. Душа твоя, если была, ушла сама знает куда. А телу всё равно где лежать. Искать тебя будут, а мне здесь жить.

Дождалась топкая болотная елань своей жертвы.

Три дня прождала Устинья Ждана. На четвертый подняла крик, всполошила соседей, погнала их в лес. Но парня так и не нашли. Может, потому, что в лес глубоко заходить боялись, может, потому что найти не особо хотели. Один Игнат всё рыскал, утомиться не мог.

Пополз по деревне слушок: Ждана-де оборотень сожрал. Как оно бывает, никто вроде вслух не говорил, а все знают. Видели в лесу, неподалеку от избышки Ждана, следы волчьи и человеческие, кровь на снегу.

Всю зиму Устинья убивалась по погибшему суженому, а весной приняла сватов, присланных Игнатом.

***

Утро выдалось солнечным и тихим. День был ему под стать. А вечером, когда круглая белая луна начала карабкаться вверх по небесной лестнице, на деревню напал ветер с полуночи. Да какой злой! Хлестал по лицу осмелившихся выйти из дому, норовил с ног сбить. Кой-кому вообще дверь наружу открыть не позволил. Будто хотел, чтобы люди, по избам затворившись, тихо сидели. Да те и сами не спешили выходить из домов, будто боялись очутиться на пути того, кто летел, неся, бежал нынче через деревню.

Устинья с утра ушла на другой конец деревни навестить родителей да, как на грех, задержалась. Как теперь вернется? И не встретит ее... Ну да бог жену Игната и своим умом не обидел, догадается ненастье у родителей переждать.

Померещилось или кто-то на крыльцо взошел, в дверь стучится? Неужто всё же перебежать решила? А прежде вроде как кто-то к окошку подходил. Не различить за воем ветра, что там.

Порыв ледяного полуночника настужь распахнул дверь. Игнату на миг показалось, что на пороге стоит волк, светлый с темной спиной. Дальше увидеть ничего не успел, погасла сброшенная со стола свеча.

Сильный удар в грудь опрокинул Игната. Пыхнуло в лицо дыханием зверя, но не жарким, а студеным. Навалился, прижал. Пробовал Игнат схватить волка, оттолкнуть от себя, но руки только холодный воздух гребли.

Ледяные клыки коснулись горла и начали смыкаться. Медленно, чтобы жертва узнала свою подступающую смерть.

Как ни уговаривали родители остаться переночевать, не ходить в лютый ветер, а всё ж Устинья не послушалась. Тянуло что-то сердце, звало домой. Дождалась, покуда полуночник ненадолго притихнет, и побежала.

И чего б, казалось, на другой край деревни добраться, а запыхалась. Начавший на закатных ветрах круглиться живот лишил бывшего проворства. Хоть бы Игнат догадался, вышел навстречу.

Двери в избу нараспашку. Случилось что? Обо всем забыв, единым духом на крыльцо, через сени. В избе нехорошо, темно. У погасшей печи что-то серое шевелится. Кто-то...

– Игнат? Игнат, что ты?..

Кто-то из темноты шагнул к Устинье. Цокнули по полу звериные когти. Собака забежала? Волк...

Ахнув, отступила Устинья назад. Спиной к стене прижалась, живот руками закрыла. Не выдержала, зажмурилась.

Зверь тихо стоял, смирно. Тянуло от него мимо Устиньи холодом, из избы на улицу. Потом не то сильные лапы, не то тяжелые ладони на плечи легли. Коснулось что-то щеки мимолетно. Волчий язык лизнул? Человеческие губы поцеловали? Ветерок, пролетая, прикоснулся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.